

НИНА ТИМОЛАЕВА

НЕВЕСТА  
ИЗ НУЛЕВЫХ  
ДЛЯ ИМПЕРСКОГО МАГА

Нина Тимолаева

**Невеста из нулевых  
для имперского мага**

«Автор»

2026

**Тимолаева Н.**

Невеста из нулевых для имперского мага / Н. Тимолаева —  
«Автор», 2026

Вчера у Миры Зориной был выпускной, старый телефон в руке и обещание маме: «Я скоро домой». А сегодня она просыпается в чужом теле, в чужом мире и в свадебном платье, которое выбрали без неё. Через час её должны обручить с Радомиром Вельским — самым опасным имперским магом Северинской империи. Он уверен, что перед ним подмена. Она уверена, что он её тюремщик. Но брачная печать уже вспыхнула на запястье, а древний договор начал открывать то, что веками было спрятано под столицей. Мира не знает правил этого мира, но быстро понимает главное: здесь людей превращают в долги, браки — в оружие, а память можно переписать, если это выгодно сильным домам. Чтобы выжить, ей придётся спорить с императрицей, раскрыть тайну исчезнувшей невесты, разоблачить дворцовый заговор и решить, чего она хочет на самом деле: вернуться в свои нулевые или впервые выбрать судьбу самой. Но Радомир Вельский не привык просить. И впервые в жизни хочет быть не назначенным — а выбранным.

© Тимолаева Н., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                            |    |
|--------------------------------------------|----|
| Глава 1. Невеста проснулась не в том мире  | 5  |
| Глава 2. Жених с ледяными глазами          | 15 |
| Глава 3. Договор, который нельзя разорвать | 29 |
| Конец ознакомительного фрагмента.          | 38 |

# Нина Тимолаева

## Невеста из нулевых для имперского мага

### Глава 1. Невеста проснулась не в том мире

Мира проснулась от того, что кто-то примерял к её руке чужую судьбу.

Сначала она решила, что это продолжение сна: тяжёлая прохлада металла у запястья, шорох ткани возле лица, запах мокрого камня и белых цветов, от которого комната казалась не живой, а приготовленной к торжеству для человека, уже не имеющего права отказаться. Где-то рядом женщина быстро и сердито шептала, что времени почти не осталось, застёжки не держат, а госпожа невеста опять побледнела так, будто собирается умереть прямо перед алтарём.

Мира хотела сказать, что никакая она не госпожа и тем более не невеста, но язык словно забыл, как складываются слова. Она открыла глаза — и увидела над собой не потолок своей комнаты с облупившимся уголком обоев, а резное серебряное сплетение, похожее на замёрзшие ветви. В этих ветвях горели не лампы, а маленькие матовые шары, наполненные мягким янтарным светом. Свет плыл внутри них, как закат, пойманный в стекло.

На секунду всё стало настолько невозможным, что мозг ухватился за самое простое объяснение: выпускной, жара, слишком громкая музыка, чужие голоса, смех под окнами школы, блёстки на веках, которые осыпались на щёки, когда она смеялась. Потом — тёмный двор, где она отошла от всех, потому что не хотела слушать очередное «ну что ты такая серьёзная, Мирка». Старый телефон в ладони, на экране имя мамы, неотправленное сообщение: «Я скоро домой».

А дальше — белая вспышка в стекле витрины напротив.

И вот теперь чужая комната.

Чужие руки.

Чужая жизнь, которая, кажется, уже решила, что Мира ей подходит.

— Очнулась, — выдохнула над ней женщина в тёмно-синем платье. У женщины были сухие пальцы, стянутые у ногтей серебряными кольцами, и лицо человека, который давно разучился удивляться. — Благодарение печатям. Госпожа, прошу вас, не шевелитесь резко. Мы и так едва успеваем.

Мира всё-таки шевельнулась. Пальцы тут же утонули в складках платья, лежавшего на ней тяжёлым белым облаком. Нет, не платья — сооружения. На груди и рукавах серебрились нити, по подолу тянулись вышитые знаки, похожие то ли на буквы, то ли на узлы. Ткань была холодная, плотная, чужая, как снег, который накинули на тело и приказали носить с достоинством.

— Где я? — получилось хрипло.

Женщина застыла всего на миг, но этого хватило, чтобы Мира увидела: вопрос был неправильным. Не смешным, не глупым, а опасным.

— В северном крыле дворца, госпожа, — осторожно сказала она. — В ваших покоях перед церемонией.

— Перед какой церемонией?

Теперь уже замолчали все.

Мира только тогда заметила, что в комнате было не две женщины, а пять. Две молодые девушки держали раскрытую шкатулку с украшениями; одна стояла у ширмы, прижимая к груди длинную вуаль; ещё одна, совсем бледная, с круглым лицом и испуганными глазами, держала поднос с тонкими серебряными шпильками. Все смотрели на Миру так, словно она спросила не о церемонии, а о том, почему солнце встаёт утром.

Женщина в синем первая взяла себя в руки.

— Перед брачным утверждением, госпожа Миралия.

Мира медленно села.

Комната покачнулась, но не исчезла. Всё осталось на местах: огромная кровать под полом, окна от пола до потолка, за которыми серел незнакомый город с башнями, мраморный камин, в котором горел синий огонь, зеркала в тонких рамах и женщины, ждущие, когда она вернётся в роль, написанную для неё кем-то другим.

— Как вы меня назвали?

— Госпожа Миралия Арден, — женщина в синем склонила голову, но глаза её стали ещё внимательнее. — Единственная наследница младшей линии Дома Арденов. Невеста его светлости Радомира Вельского.

Имя ударило по комнате, как закрытая дверь.

Одна из девушек с украшениями побледнела ещё сильнее. Другая опустила взгляд. Та, что держала вуаль, едва заметно перекрестила пальцы на ткани, будто защищалась от дурного знака.

Мира уловила это движение и почему-то именно оно заставило страх стать настоящим. До этой секунды всё ещё можно было считать бредом, театром, странной шуткой сознания, которое решило отдохнуть от выпускного самым нелепым способом. Но страх в глазах чужих людей был слишком живым. Его нельзя было придумать так быстро.

— Я не Миралия, — сказала Мира и сама услышала, как неубедительно это прозвучало. — Меня зовут Мира Зорина. Мне семнадцать. Я была... я была дома. Почти дома.

Женщина в синем прикрыла дверь взглядом, словно проверила, не слышит ли кто за порогом.

— Госпожа, сейчас не время для таких слов.

— Для каких таких? Для правды?

— Для слов, за которые можно потерять больше, чем свадьбу.

В комнате опять стало тихо. Синий огонь в камине беззвучно лизнул каменную решётку. За окнами низко проплыл чёрный силуэт птицы, слишком крупной для обычной вороны. Мира проследила за ним взглядом и только тогда поняла: город за стеклом не был похож ни на один город, который она знала. Башни стояли на разных уровнях, соединённые арочными мостами. На крышах блестели металлические гребни. Над центральной площадью висело огромное кольцо, будто часть механизма или украшение для неба, и внутри этого кольца медленно вращались золотые знаки.

Она прижала ладонь к груди, пытаясь нащупать под платьем знакомую цепочку с маленькой подвеской. Ничего. Ни джинсовой куртки, ни телефона, ни дешёвых серёжек, купленных накануне у перехода, ни следа её прежней жизни.

— Мне нужно зеркало, — сказала она.

Женщина в синем не ответила. Тогда Мира сама спустила ноги с кровати. Пол оказался ледяным даже через тонкие туфельки. Платье потянуло вниз, мешая шагнуть. Одна из девушек ахнула и бросилась поддерживать подол, но Мира отстранилась слишком резко.

— Не трогайте меня.

Девушка отступила, будто её ударили словом.

Мира дошла до ближайшего зеркала. Каждый шаг давался странно: тело было её и не её одновременно. Руки слушались, сердце билось, дыхание сбивалось, но рост, осанка, даже ощущение волос на плечах были чуть другими. Как будто она надела не только чужое платье, но и чужую кожу.

В зеркале стояла девушка, похожая на Миру так, что от этого становилось хуже.

Те же тёмные волосы, но длиннее и гуще, уложенные в сложные волны. Те же серые глаза, но чуть светлее, с серебристым ободком вокруг радужки. Черты лица тоньше, кожа бледнее,

губы обведены мягким розовым блеском. На виске — крошечная родинка, которой у Миры никогда не было. На шее — след от тяжёлого украшения, уже снятого или ещё не надетого.

Это могла быть она, если бы родилась в другом месте, среди этих башен, печатей и женщин, которые боялись произнести имя её жениха слишком громко.

Мира коснулась зеркала пальцами. Стекло оказалось холодным и на миг будто дрогнуло под кожей.

— Сколько времени до церемонии? — спросила она, не отрывая взгляда от отражения. Женщина в синем подошла ближе, но остановилась на уважительном расстоянии.

— Меньше часа.

Мира обернулась.

— Меня через час выдадут замуж?

— Утвердят брачный указ. Сам обряд завершится после подписания родовых строк.

Слова были вроде бы русскими, но складывались в такую бессмыслицу, что Мира почти рассмеялась. Почти — потому что ни одна из женщин не улыбалась.

— А если я не пойду?

У бледной девушки с подносом задрожали шпильки.

Женщина в синем медленно выпрямилась.

— Тогда за вами придут.

— Кто?

— Люди императрицы. Или сам Вельский.

Имя снова изменило воздух. Мира заметила это теперь ясно: стоило прозвучать «Вельский», как все в комнате становилось тише, ниже, осторожнее. Будто за именем стоял не человек, а приговор, который однажды уже исполнили и могли исполнить снова.

— Он настолько страшный?

Женщина в синем посмотрела на неё с чем-то похожим на жалость, но быстро спрятала это выражение.

— Его светлость не страшный, госпожа. Страшными бывают те, кто теряет контроль. Радомир Вельский его не теряет.

Почему-то от этого стало только хуже.

Мира провела ладонью по лицу. Ей надо было думать. Не кричать, не спорить с людьми, которые явно знали этот мир лучше, не доказывать, что она из другого времени, потому что это звучало безумно даже для неё самой. Нужно было найти выход, понять правила и не позволить неизвестному Радомиру Вельскому получить её вместе с этим холодным платьем и чужим именем.

Она оглядела комнату уже не как пленница, которая проснулась в кошмаре, а как человек, ищущий дверь.

Дверей было три. Первая, большая, с серебряными накладками, очевидно вела в коридор. Вторая — узкая, почти скрытая за портьерой. Третья — стеклянная, на балкон. За балконом начиналась стена, ниже виднелся сад, а ещё ниже — каменный уступ. Слишком высоко, чтобы прыгнуть. Но не слишком высоко, чтобы найти лестницу, если она есть.

— Мне нужно побыть одной, — сказала Мира.

— Это невозможно.

— Мне нужно переодеться.

— Вы уже одеты для церемонии.

— Тогда мне нужно... — она запнулась, перебирая варианты и понимая, что любая просьба сейчас будет проверена, взвешена и отклонена. — Мне нужно умыться.

Женщина в синем несколько секунд смотрела на неё так, будто пыталась решить, где заканчивается потрясение невесты и начинается попытка побега.

— Элиса, проводи госпожу к умывальной комнате. Остальные — закончить с лентами. Быстро.

Круглолицая девушка с подносом вздрогнула.

— Я, госпожа Варана?

— Ты. И смотри, чтобы госпожа не споткнулась.

Элиса поставила поднос, опустила голову и пошла к узкой двери за портьерой. Мира двинулась следом, стараясь не показать, как внимательно считает шаги, петли, расстояние до главной двери и то, где лежит маленький нож для разрезания лент на туалетном столике. Не оружие, конечно. Но в мире, где её хотят выдать замуж за человека, которого боятся даже слуги, любой острый предмет казался частью свободы.

За портьерой оказалась не умывальная, а маленькая комната с мраморной чашей, высоким окном и ещё одной дверью, совсем неприметной. На двери не было серебряных накладок. Только простая ручка.

Мира почувствовала, как внутри впервые с момента пробуждения шевельнулась не паника, а действие.

— Ты Элиса? — спросила она тихо.

Девушка кивнула.

— Да, госпожа.

— Сколько тебе лет?

Элиса растерялась.

— Девятнадцать.

— Ты знаешь, что со мной происходит?

— Вы... волнуетесь перед брачным утверждением.

— Нет. Я не волнуюсь. Я не помню этот дворец, не знаю, кто такой Радомир Вельский, и понятия не имею, почему вы называете меня Миралией. В твоём мире это называется волнением?

Элиса подняла глаза. В них было больше страха, чем недоверия.

— Не говорите так при госпоже Варане. Она служит дому Арденов, но прежде всего боится императорского приказа.

— А ты?

Девушка сглотнула.

— Я боюсь всех.

Это было так честно, что Мира на мгновение замолчала. Она вдруг увидела перед собой не часть странного сна, не служанку из дворца, а живую девчонку, которая стоит в чужой роскоши с чужой ответственностью на плечах и тоже не выбирала эту историю.

— Элиса, мне нужно выйти отсюда.

— Нельзя.

— Я не прошу проводить меня к воротам. Просто скажи, куда ведёт та дверь.

Элиса посмотрела на неприметную дверь, и по её лицу стало ясно: туда.

— В служебный ход. Но там стража у нижнего пролёта.

— Сколько дверей до коридора?

— Две. Потом лестница. Потом галерея. Но вы не дойдёте в этом платье.

Мира посмотрела на свой подол. Элиса была права. В этом белом великолепии можно было красиво стоять под проклятым имперским указом, но бежать в нём — только если заранее договориться с полом, стенами и судьбой, чтобы они не мешали.

— Помоги мне снять верхний слой.

Элиса отшатнулась.

— Госпожа!

— Не весь наряд. Только то, что мешает идти.

— Меня накажут.

— Меня выдадут замуж за человека, которого ты боишься даже назвать спокойно.

Девушка сжала губы. Мира видела, как в ней борются страх и сострадание. Это было несправедливо: давить на человека, который и так бесправен. Но у Миры не было ни времени, ни знания, ни друзей, ни даже собственного имени в этом месте. Была только возможность — тонкая, как щель под дверью.

— Я не хочу втягивать тебя, — сказала Мира уже мягче. — Просто повернись на минуту и скажи, где застёжки.

Элиса закрыла глаза, будто это могло сделать её невиновной.

— Сзади. Под левым рядом жемчужных пуговиц есть скрытый шнур.

Мира развернулась к зеркальной вставке у стены и принялась искать шнур. Пальцы путались, ткань не поддавалась, платье было устроено как заговор: красиво, сложно и против человека, который хочет двигаться. Элиса выдержала меньше половины минуты, потом тихо выругалась словом, которого Мира не поняла, и шагнула к ней.

— Стойте ровно. Если рванёте, порвёте знак подола, и это заметят сразу.

— Знак подола тоже важен?

— Здесь всё важное, госпожа.

— Не называй меня госпожой.

Элиса не ответила. Быстрыми пальцами она ослабила шнур, отцепила две боковые петли, сняла тяжёлый верхний слой юбки и свернула его так ловко, будто всю жизнь готовилась помогать невестам сбегать с церемоний. Под ним осталось более простое платье — всё ещё белое, всё ещё торжественное, но теперь Мира хотя бы могла шагнуть шире.

Из основной комнаты донёсся голос Вараны:

— Элиса?

Девушка побледнела.

Мира схватила её за руку.

— Скажи, что я умываюсь.

— Она не поверит надолго.

— Мне и не нужно надолго.

Она открыла неприметную дверь.

За ней действительно был узкий ход, освещённый редкими полосами света. Каменные стены пахли холодом и пылью. Где-то вдалеке слышался гул дворца: шаги, голоса, металлическое эхо, будто огромное здание дышало через коридоры.

Элиса задержала её на пороге.

— Если вас поймают, скажите, что я пыталась остановить.

Мира посмотрела на неё и вдруг почувствовала укол вины — не телесный, а внутренний, острый и неприятный. Девушка рисковала не из верности, а потому что в этот миг не смогла стать частью чужого насилия.

— Я скажу, что ты вообще не видела, как я ушла.

— Здесь так не бывает.

— Значит, пусть впервые будет.

Мира шагнула в ход и закрыла за собой дверь.

Первые несколько секунд она просто шла, сдерживаясь, чтобы не побежать. Дворец за стеной жил слишком близко. Если она сорвётся, поскользнётся или заденет подолом подсвечник, её услышат. Нужно было не метаться, а выбраться. Две двери. Лестница. Галерея. Стража у нижнего пролёта. Значит, до нижнего пролёта доходить нельзя. Надо найти боковой проход, окно, другой коридор, хоть что-то.

Она прошла первую дверь. За ней лестница уходила вниз узкими каменными ступенями. На стенах были вырезаны знаки, похожие на те, что украшали платье. Некоторые едва заметно

светились, когда Мира проходила мимо. Она замедлилась, но не остановилась. Если каждый светящийся знак здесь повод для паники, далеко она не уйдёт.

На повороте снизу послышались голоса.

Мира вжалась в стену.

— ...утверждение через сорок минут, — сказал мужчина. — Вельский уже во дворце?

— Его люди в восточной галерее. Самого не видел.

— И хорошо. От него даже стены становятся умнее, а мне сегодня лишние умные стены ни к чему.

Оба рассмеялись, но смех быстро затих. Шаги удалились вниз.

Мира выдохнула только тогда, когда эхо стало совсем слабым. Значит, прошло уже двадцать минут? Или они говорили примерно? Сорок минут до церемонии. Сорок минут до того, как её свяжут с человеком, которого здесь боятся, и, может быть, уже не отпустят никогда.

Она поднялась на одну ступень обратно, заметив узкий проём справа. Он был почти закрыт тенью, но за ним тянулся коридор с низким потолком. Мира свернула туда.

На стенах здесь висели старые портреты без рам. Лица на них были строгими, вытянутыми, с одинаковой семейной гордостью и одинаковым презрением к тем, кто смотрит снизу вверх. У некоторых на запястьях виднелись серебряные знаки. Такие же? Мира подняла левую руку, но кожа была чистой. Только тонкая синяя жилка у основания ладони, только след от браслета, который на неё пытались застегнуть в комнате.

Коридор вывел её к маленькой арке. За аркой была галерея — настоящая, широкая, с окнами в сад. Мира остановилась за колонной.

Внизу, на несколько пролётов ниже, двигались люди. Мужчины в тёмной форме, женщины в строгих платьях, двое мальчиков-пажей с подносами, старик с кипой свитков. Никто не смотрел наверх. Все спешили к центральной части дворца, где, вероятно, готовили её брачное утверждение.

Мира осторожно двинулась вдоль колонн. Сердце билось так громко, что казалось, его услышат раньше шагов. Она держала подол, стараясь не шелестеть. Ей нужно было вниз, но не к страже. Может быть, сад. В садах бывают калитки, служебные ворота, стены с плющом. Может быть, за садом город. А в городе — люди, шум, возможность спрятаться.

В самом конце галереи она увидела стеклянную дверь.

За ней действительно начиналась наружная терраса. Холодный воздух ударил в лицо, пахнувший снегом, мокрым камнем и железом. Мира шагнула наружу и едва не рассмеялась от облегчения: небо было настоящим. Серое, низкое, чужое, но настоящее. А значит, если всё это сон, то он слишком подробно выдумал холод на щеках.

Терраса шла вдоль стены и заканчивалась лестницей в сад. До неё было не больше тридцати шагов.

Мира сделала пять.

Потом на её левом запястье вспыхнула боль.

Она не закричала только потому, что страх зажал горло раньше звука. Кожа над ладонью загорелась серебром. Сначала тонкой линией, как царапина от света, потом линия разошлась, закрутилась, образуя знак. Один круг, второй, внутри — острый лепесток, под ним две пересекающиеся черты. Печать возникала не на коже, а будто изнутри, проступая из крови и памяти чужого тела.

Мира согнулась, прижимая руку к груди.

Нет. Нет, нет, нет.

Знак вспыхнул ярче, и где-то внутри дворца ответил глухой звон. Не колокол, не музыка — скорее огромная струна, которую тронули невидимой рукой.

На террасе открылась дальняя дверь.

— Госпожа Арден!

Мира подняла голову. Двое стражников уже бежали к ней от бокового входа. С другой стороны, из галереи, появились ещё люди. Путь к лестнице был свободен всего несколько секунд, но запястье горело так, что каждый шаг отдавался в плече. Печать будто тянула её назад — не физически, а глубже, туда, где решение уже приняли за неё.

Она всё равно побежала.

Белое платье путалось в ногах. Холодный воздух резал лицо. Один из стражников крикнул что-то, но Мира не разобрала. Лестница приближалась, за ней виднелись тёмные кусты, живая изгородь, дорожка, уходящая к арке. Если добежать до сада, если свернуть, если спрятаться хотя бы на минуту...

На последней ступени её запястье вспыхнуло снова.

Перед глазами на миг возникли не дворец и не сад, а огромный зал, полный людей. Серебряная линия на полу. Чужая мужская рука над раскрытым договором. Голос, ровный и холодный:

«Имя принято».

Мира споткнулась. Она не упала только потому, что ухватила за каменный поручень. За спиной уже гремели шаги.

И тогда из сада вышел человек в чёрном мундире.

Он не бежал. Не спешил. Не кричал. Просто появился на дорожке между двумя подстриженными тисами, и все остальные звуки будто отступили, освобождая ему место.

Высокий, прямой, с тёмными волосами, убранными назад, и лицом, которое не нуждалось в суровости, чтобы казаться опасным. Его мундир был застёгнут до горла, на плечах тускло серебрились знаки, похожие на зимние ветви. На левой руке — чёрная перчатка, на правой, открытой, у запястья горела такая же печать, как у Миры.

Такая же — и всё-таки не такая.

Её знак метался серебром, будто пытался понять, где оказался. Его — был спокойным, глубоким, словно давно знал ответ.

Мира остановилась на середине лестницы. Стражники за её спиной тоже замерли, но не от усталости. Она почувствовала это по тишине. Так люди замирали не перед господином. Так замирали перед бурей, которая пока ещё решила не ломать крышу.

Мужчина поднял взгляд.

Серые глаза. Не ледяные, как сказала бы плохая сказка, и не жестокие, как хотелось бы для простого объяснения. Хуже. Внимательные. Он смотрел так, будто за один вдох успел заметить сбившуюся причёску, снятый верхний слой платья, следы бегства, ужас, который она пыталась спрятать, и вопрос, который она сама ещё не успела сформулировать.

— Госпожа Миралия, — сказал он.

Голос был низким, спокойным и до невозможности чужим.

Мира сжала горящее запястье.

— Я не ваша невеста.

За её спиной кто-то резко втянул воздух. Но мужчина не изменился в лице. Только посмотрел на её руку, на проступивший знак, потом снова ей в глаза.

— Печать с вами не согласна.

— Тогда у вашей печати плохой вкус.

Стражники замерли ещё сильнее. Один, кажется, даже перестал дышать.

Мира сама не поняла, зачем сказала это. Может быть, потому что страх, дошедший до края, иногда превращается в дерзость. Может быть, потому что в её прежней жизни она слишком часто молчала, а здесь молчание могло стать согласием.

Уголок губ мужчины едва заметно дрогнул, но улыбкой это назвать было нельзя.

— Радомир Вельский, — произнёс он, словно представлялся не ей, а обстоятельствам, которые их обоих привели на эту лестницу. — Ваш жених по имперскому указу.

— Поздравляю, — сказала Мира, чувствуя, как печать на запястье снова пульсирует серебром. — У вас проблема.

Он сделал шаг к лестнице.

Не угрожающий. Не резкий. Но почему-то именно этот спокойный шаг заставил Миру понять: если она сейчас побежит дальше, её остановят не стражники. Он.

— У меня их несколько, — сказал Радомир Вельский. — Но вы, госпожа, за последние пять минут стали самой любопытной.

Мира посмотрела в сад за его спиной. Там была дорожка. Арка. Возможно, свобода. Но между ней и свободой стоял человек, связанный с ней знаком, которого она не просила и не понимала.

— Я не знаю ваш мир, — сказала она тише, но отчётливо. — Не знаю ваши правила. Не знаю, кто такая Миралия Арден. И если вы сейчас поведёте меня на эту вашу церемонию, вы получите не невесту, а человека, который будет искать выход при каждом удобном случае.

Радомир поднялся на одну ступень. Теперь они стояли почти на одном уровне, и Мира увидела тонкий серебряный шрам у него над бровью — не уродующий, а странно точный, будто кто-то однажды провёл там линию по линейке. Его взгляд впервые задержался не на её лице, а на её словах. Так по крайней мере ей показалось.

— Вы говорите слишком прямо для девушки, которую готовили к брачному утверждению с шести лет.

Мира похолодела.

С шести лет.

Значит, Миралия знала. Ждала. Или боялась. Или пыталась отказаться и не смогла. Чужая жизнь вокруг Миры становилась всё плотнее, обрастала прошлым, обязательствами и чужими следами, в которые ей предлагали встать без вопросов.

— Значит, я плохо подготовилась, — ответила она.

— Нет, — сказал Радомир. — Значит, вы не она.

Эти три слова прозвучали тише остальных, но именно они отрезали Миру от последней надежды притвориться, что она сможет сыграть роль и разобраться позже. Он понял. Не поверил до конца, возможно. Не принял. Но понял, что перед ним ошибка, подмена или нечто ещё более опасное.

С дальнего конца террасы быстрыми шагами подошла Варана. За ней семенила Элиса, белая как полотно. Варана остановилась, поклонилась Радомиру и бросила на Миру такой взгляд, в котором одновременно были облегчение, ярость и обречённость.

— Ваша светлость, прошу простить. Госпожа невеста была потрясена после пробуждения.

— Это заметно, — сказал Радомир.

— Церемониальный зал готов. Представители домов уже собрались. Императрица ждёт. При слове «императрица» печать на запястье Миры стала горячее. Она опустила руку, надеясь, что никто не заметил, но Радомир заметил. Конечно, заметил.

Он повернулся к Варане:

— Оставьте нас.

— Ваша светлость, до утверждения осталось меньше...

— Я сказал: оставьте.

Варана осеклась. Её лицо стало неподвижным, как маска. Она поклонилась ещё раз и отступила. Стражники тоже отошли, но недалеко. Элиса задержалась на миг, посмотрела на Миру с отчаянным извинением и исчезла за колоннами.

На лестнице остались только они.

Мира вдруг поняла, что дрожит не от холода. Она сжала пальцы в кулак, спрятав их в складках платья. Нельзя показывать ему слишком много. Нельзя выглядеть ни жертвой, ни

безумной, ни удобной. Она не знала, какие качества здесь помогают выжить, но удобство точно не входило в список.

— Вы верите мне? — спросила она.

— Нет.

Ответ был настолько быстрым, что Мира почти разозлилась.

— Тогда зачем отослали их?

— Потому что они верят в другое. В то, что испуганную невесту нужно довести до зала, поставить на серебряную линию и заставить договор закончить начатое. Я же предпочитаю сначала понять, кто стоит передо мной.

— Я уже сказала.

— Имя можно назвать любое.

— А печать можно навязать любую?

Он не ответил сразу. Ветер тронул края его мундира, принёс с сада запах сырой хвои и далёкого снега. Где-то над башнями снова повернулось золотое кольцо, и на мгновение по дворцу прошла тень.

— Брачную печать нельзя навязать пустому месту, — сказал Радомир. — Она цепляется за кровь, за имя, за согласие рода или за долг.

— Я ничего не соглашалась.

— Возможно, соглашалась не вы.

Мира почувствовала, как эта фраза открывает под ногами ещё одну пропасть. Если печать держится за Миралию Арден, а в её теле теперь Мира Зорина, то кто из них связан договором? И что станет с той, настоящей, если она вообще существовала где-то кроме этого тела?

— Где Миралия? — спросила она.

Впервые в лице Радомира что-то изменилось. Не сильно. Но достаточно, чтобы Мира поняла: она попала в важное место.

— Это я и собирался спросить у вас.

Печать на её запястье вспыхнула в третий раз, но теперь боль была другой. Не резкой, а тянущей, словно знак не наказывал её, а звал куда-то. Мира машинально повернула руку ладонью вверх.

Серебряные линии на коже дрогнули и сложились в короткую надпись. Буквы были незнакомые, но смысл почему-то возник в голове сам, чужим холодным знанием:

«Указ начал исполнение. Невеста найдена. Подмена невозможна».

Мира прочитала и подняла глаза на Радомира.

Он тоже видел надпись.

И впервые его спокойствие стало не таким безупречным.

— Это плохо? — спросила Мира.

Радомир посмотрел в сторону дворца, где их уже ждали зал, императрица, чужие дома, договоры и, возможно, ответы, за которые придётся заплатить слишком дорого.

— Это значит, — сказал он, — что теперь вы не сможете просто сбежать.

Мира усмехнулась, хотя внутри всё сжалось.

— А вы плохо меня знаете.

— Именно поэтому, — ответил Радомир, протягивая ей руку, — я не стану вести вас под стражей.

Мира посмотрела на его ладонь. Не взять — значит дать повод силе. Взять — значит согласиться хотя бы на один шаг рядом с ним. Она ненавидела этот выбор уже за то, что он был не свободой, а двумя разными дверями в одну и ту же клетку.

Но если клетка уже закрывалась, умнее было войти в неё с открытыми глазами.

Она вложила пальцы в его руку.

Печати на их запястьях вспыхнули одновременно.

И где-то глубоко под дворцом, куда не доходил ни зимний свет, ни голоса ожидающих гостей, что-то огромное и древнее ответило им глухим пробуждающимся звоном.

## Глава 2. Жених с ледяными глазами

Радомир Вельский держал её руку так, словно помогал спуститься не с дворцовой лестницы, а с края пропасти, которую видел лучше неё.

Мира ненавидела это ощущение почти сразу: уверенная ладонь, точное движение, отсутствие суеты. Он не сжимал её пальцы до боли, не тянул, не показывал стражникам, что теперь невеста поймана и больше не представляет трудности. От этого становилось не спокойнее, а опаснее. Грубого человека проще понять. С грубым можно спорить, уворачиваться, выискивать слабость в раздражении. Радомир не раздражался. Он будто сохранял вокруг себя ровную тишину, в которой любые чужие ошибки звучали громче.

Печать на запястье уже не жгла так резко, но серебряные линии продолжали светиться под кожей. Мира старалась не смотреть на них слишком часто. Стоило опустить взгляд, как снова вспоминалась надпись: «Невеста найдена. Подмена невозможна». Не имя. Не человек. Невеста. Слово, в котором не было ни её прежней жизни, ни её выбора, ни даже вопроса, хочет ли она вообще быть найденной.

Дворцовые стражники расступались перед Радомиром без команд. Варана шла позади, бесшумная и натянутая, как туго завязанная лента. Элисы рядом не было; Мира успела заметить только, как девушку увели в сторону две служанки. Эта мысль неприятно зацепилась за внутреннюю ткань происходящего. Элиса помогла ей, пусть и совсем немного, и теперь могла заплатить за чужую попытку бегства.

— Девушку не тронут, — произнёс Радомир.

Мира резко посмотрела на него.

— Что?

— Ту, которая провела вас к служебному ходу. Её не тронут.

Она почти споткнулась, но он удержал её, не меняя шага. Слишком быстро. Слишком точно. Он либо угадал её мысль по лицу, либо сделал вывод по тому, как она оглянулась. Второе было неприятно, но лучше первого.

— Вы так обещаете?

— Я так распоряжусь.

— А если ваши распоряжения здесь не главные?

Его взгляд скользнул к ней, задержался на секунду и вернулся к коридору.

— В этом дворце нет ничьих главных распоряжений, кроме императрицы. Все остальные лишь делают вид, что обладают властью.

— Включая вас?

— Особенно меня.

Ответ был ровным, но не пустым. В нём не было жалобы и не было бравлады. Просто факт, который он не считал нужным украшать. Мира не знала, как на это реагировать, поэтому выбрала молчание. В её прежнем мире молчание часто принимали за согласие, обиду или слабость. Здесь, возможно, оно могло сойти за благоразумие.

Они вошли в широкий коридор, где стены были облицованы серым камнем с прожилками серебра. По обеим сторонам тянулись высокие окна, за которыми виднелся внутренний двор, заполненный экипажами, тёмными плащами, знаменами и лицами людей, приехавших посмотреть, как одну девушку закрепят за одним мужчиной ради чужих договорённостей. Внизу всё двигалось торжественно и деловито. Никто не знал, что невеста ещё несколько минут назад пыталась сбежать через сад, а жених теперь вёл её не под руку, а за руку, будто это могло хоть что-то изменить.

Мира попробовала высвободить пальцы.

Радомир отпустил сразу.

Это неожиданно разозлило её сильнее, чем если бы он удержал. Она хотела сопротивления, чтобы было понятно: вот он, враг, вот его хватка, вот граница. Вместо этого он просто дал ей свободу на ширину вытянутой руки и пошёл рядом.

— Не делайте вид, что я могу уйти, — сказала она тихо.

— Вы можете попытаться.

— А потом?

— Потом печать напомнит вам, что договор уже начал исполнение.

— То есть это не вы меня держите.

— Не только я.

Мира сжала зубы. Коридор казался бесконечным, а каждый поворот вёл не к выходу, а глубже в дворец. На стенах висели вытянутые серебряные пластины с выгравированными именами. Она не успевала читать, но некоторые имена вдруг вспыхивали смыслом в голове, как случилось с надписью на печати. Арден. Вельский. Моревит. Сиверна. Арквин. Дом, дом, дом, дом. Здесь даже люди, кажется, существовали не сами по себе, а как ветви огромных родовых деревьев, давно решивших, в какую сторону им расти.

У входа в следующую галерею стояли двое мужчин в чёрных мундирах. Они поклонились Радомиру, но не посмотрели Мира в лицо. Не из скромности. Скорее так смотрят на вещь, которую нельзя обсуждать вслух, пока её не внесли в список.

— Ваша светлость, зал ожидает, — сказал один.

— Зал умеет ждать, — ответил Радомир. — Кто уже прибыл?

— Все младшие дома, представители Арденов, Моревиты, Арквины. Её величество заняла место три минуты назад.

Варана за спиной Миры шумно втянула воздух, но промолчала. Даже Мира, почти ничего не понимая в местных правилах, уловила: заставлять императрицу ждать — плохая мысль.

— А родовые строки? — спросил Радомир.

— Раскрыты.

— Кто держит договор?

— Канцлер Эймар.

При имени канцлера Радомир на миг остановился. Ненадолго, но Мира заметила. Он умел прятать лицо, но не совсем умел прятать паузы.

— Не подходите к договору, пока я не скажу, — произнёс он, уже обращаясь к ней.

— Я и не собиралась подписывать непонятно что.

— Договор не всегда требует подписи.

Мира медленно повернула к нему голову.

— Тогда что он требует?

— Имя. Кровь. Печать. Иногда — согласие. Иногда достаточно того, что согласие когда-то дали за вас.

— Удобно, — сказала она. — Особенно для тех, кто спрашивать не любит.

Один из мужчин в чёрном мундире едва заметно поднял брови. Радомир же посмотрел на Миру так, будто она не оскорбила порядок мира, а произнесла что-то, что он сам давно думал, но не говорил вслух из соображений выживания.

— В зале держитесь ближе ко мне, — сказал он. — Не отвечайте на вопросы, заданные не напрямую. Не смотрите на императрицу дольше трёх ударов сердца, если она не обратится первой. Не произносите своего прежнего имени.

— Моего настоящего имени.

— Особенно его.

— Почему?

Он слегка наклонился к ней, и Мира поймала слабый запах холода, ткани мундира и дождя по камню. Не резкий, не нарочитый, просто чужой, как всё вокруг.

— Потому что если императрица поймёт, что перед ней неизвестная девушка в теле Миралии Арден, она не станет спорить с вами о правде. Она заберёт вас из-под моего брачного права и передаст тем, кто умеет извлекать ответы из любых загадок.

Слова были сказаны без подробностей, но Мира всё равно поняла достаточно. Её злость чуть отступила, освобождая место холодной осторожности.

— Вы меня пугаете, чтобы я слушалась?

— Я говорю правду, чтобы вы дожили до момента, когда сможете задать больше вопросов.

— А вам это зачем?

Радомир не ответил сразу. Впереди уже слышался зал: многоголосый гул, шорох тканей, глухие шаги, звук раскрываемых створок. Над дверями висел тот же знак, что на её запястье, только огромный и неподвижный, выполненный из серебра и тёмного камня. Мира смотрела на него и чувствовала, как печать под кожей отзывается тонкой вибрацией.

— Потому что мне обещали одну невесту, — сказал Радомир. — А привели другую. И тот, кто это сделал, рассчитывал, что я промолчу.

— А вы не любите, когда за вас решают?

— Я не люблю, когда меня считают удобным.

Это было первое, что Мира в нём поняла по-настоящему.

Двери перед ними распахнулись.

Церемониальный зал оказался не просто большим. Он был устроен так, чтобы человек, вошедший внутрь, сразу почувствовал себя меньше. Потолок уходил вверх в тень, где между каменными сводами медленно вращались серебряные кольца. По стенам тянулись ряды балконов; на них стояли люди в торжественных одеждах, и каждая группа отличалась цветом, знаком, манерой держаться. Внизу, посреди зала, на гладком чёрном полу была выложена тонкая серебряная линия — круг, разомкнутый в одном месте, будто ловушка, которая ждала, когда её замкнут.

В центре круга стоял высокий стол из белого камня. На нём лежал раскрытый договор.

Мира увидела его — и печать на запястье вдруг стала тяжёлой, словно не светилась, а налилась металлом. Страницы договора были не бумажными. Они напоминали тонкие пластины перламутрового цвета, на которых строки не писались, а возникали и исчезали, как дыхание на стекле.

За столом стоял старик с длинным сухим лицом и глазами, которые казались выцветшими от слишком долгого чтения чужих судеб. Канцлер Эймар, догадалась Мира. По правую сторону от него, на возвышении, сидела женщина в тёмном платье без единого украшения, если не считать узкого венца, похожего на застывшее пламя. Её не нужно было представлять. Вся архитектура зала будто была построена так, чтобы взгляд рано или поздно пришёл к ней и остановился.

Императрица Августа Сиверна.

Мира заставила себя смотреть не дольше, чем велел Радомир. Один удар сердца. Второй. Третий. Она опустила взгляд к серебряной линии на полу, но успела заметить главное: императрица не выглядела раздражённой из-за задержки. Она выглядела заинтересованной. А это, возможно, было хуже.

Гул в зале стих не сразу. Сначала затихли нижние ряды, потом балконы, потом дальние ниши, где стояли люди в серых одеждах. Тишина расползалась по залу волной, и в этой волне Мира чувствовала на себе десятки взглядов. Они скользили по её платью без верхнего слоя, по сбившимся волосам, по руке, которую она держала слишком близко к себе, по Радомиру рядом.

Кто-то заметил. Конечно, заметил. Она выглядела не как невеста, готовая к торжественному утверждению, а как человек, которого поймали между бегством и приговором.

Радомир не дал ей остановиться у входа. Он повёл её к серебряному кругу, но сам не спешил переступить линию. Это тоже заметили. Мира не понимала правил, но зал понимал, и по едва слышному шороху стало ясно: жених делает что-то не так.

Канцлер Эймар поднял голову.

— Ваша светлость Вельский, церемония задержана.

— Незначительно.

— Для частных домов — возможно. Для имперского указа — нет.

Радомир остановился у края круга. Мира рядом с ним чувствовала себя так, будто стоит на границе невидимой воды. Ещё шаг — и что-то сомкнётся над головой.

— Тогда имперский указ проявит терпение, — сказал Радомир.

В зале кто-то тихо охнул. Мира поняла, что дерзость здесь измеряется иначе. Её собственное «у вашей печати плохой вкус» было почти детским плевок в сторону стены. Радомир же сейчас, похоже, постучал в дверь власти ногой.

Императрица слегка подняла руку.

Тишина стала окончательной.

— Радомир, — произнесла она.

Имя прозвучало спокойно, почти мягко, но Мира увидела, как несколько человек в нижних рядах опустили глаза. В этом голосе не было необходимости повышать тон. Он уже принадлежал тому, кто привык, что мир наклоняется ближе, чтобы расслышать.

— Ваше величество, — Радомир поклонился. Достаточно почтительно, но не слишком низко.

Мира запоздало присела в неловком реверансе. Платье потянуло вниз, запястье болезненно отозвалось, и она чуть не потеряла равновесие. Радомир не поддержал её на виду у всех, но сделал полшага ближе так, что, если бы она падала, никто, кроме него, не успел бы заметить.

— Мне сообщили, — сказала императрица, — что невесте стало нехорошо.

Мира едва удержалась от горькой усмешки. Нехорошо. Как удобно можно назвать попытку сбежать из чужой жизни.

— Госпожа Арден перенесла пробуждение печати тяжелее, чем ожидали её наставницы, — ответил Радомир.

Наставницы. Значит, он не собирался прямо говорить о подмене. Пока.

— Печать пробудилась до утверждения? — спросил канцлер Эймар.

Его выцветшие глаза стали внимательнее. Слишком внимательнее.

Радомир повернул правую руку так, чтобы его знак был виден залу.

— Она пробудилась у нас обоих.

Шорох прошёл по рядам. В нём было больше тревоги, чем радости. Мира посмотрела на лица ближайших людей и попыталась понять, что именно не так. Брачная печать ведь должна была появиться? Или не должна была так рано? Или не должна была светиться у обоих?

На нижнем ярусе слева стояла группа в тёмно-бордовых одеждах. Один мужчина — полный, с гладким лицом и крошечными глазами — смотрел на Миру так, будто мысленно считал убытки. Рядом с ним женщина с тонкими губами прижимала к груди веер. Дом Арденов? Возможно, её здешняя родня. Если так, ни один из них не выглядел обеспокоенным её состоянием. Скорее тем, как бы она не испортила сделку.

Справа, возле колонны, стоял молодой человек в зелёном камзоле, непохожий на остальных. Он не пытался выглядеть торжественным, хотя был одет богато. В его позе было слишком много живого любопытства для такого зала. Когда Мира случайно встретилась с ним взглядом, он едва заметно склонил голову — не почтительно, а будто говорил: «Держитесь». Она быстро отвернулась. Союзников здесь у неё не могло быть. А если казалось, что есть, значит, это могло оказаться ещё одной ловушкой.

— Госпожа Арден, — сказал канцлер, — подойдите к линии.

Печать на запястье дёрнулась, будто услышала приказ раньше неё.

Мира не двинулась.

Секунда. Другая.

В зале нарастало молчание, густое и внимательное. Радомир тоже молчал. Он не подталкивал её, не шептал приказ, не смотрел с раздражением. Просто ждал, как будто хотел увидеть, что она выберет, когда все смотрят.

Мира медленно повернулась к канцлеру.

— Простите, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал, — но прежде чем подойти к линии, я хочу услышать, что именно она делает.

Где-то справа нервно звякнуло украшение. На лице Вараны, стоявшей у входа, отразился ужас. Полный мужчина в бордовой одежде побагровел так, будто Мира только что публично отказалась признавать собственную фамилию.

Канцлер Эймар моргнул. Возможно, к таким вопросам перед брачным утверждением он был не привык.

— Серебряная линия свидетельствует добровольное вступление в родовую связь.

Мира почти спросила, в каком месте это добровольно, если за ней уже бегала стража, но вовремя прикусила язык. Прямое нападение сейчас могло закончиться плохо. Ей нужно было не победить зал одним вопросом, а выиграть хотя бы несколько минут понимания.

— Если линия свидетельствует добровольность, — произнесла она осторожно, — значит, невеста имеет право знать условия.

Взгляд императрицы стал ярче. Не добрее. Просто внимательнее.

Радомир чуть повернул голову к Мире, и она на миг решила, что сейчас он оборвёт её. Но он сказал другое:

— Разумное требование.

Зал снова зашевелился.

Канцлер посмотрел на императрицу. Та не торопилась отвечать. Мира вдруг поняла, что все эти люди — дома, стража, служанки, даже сухой канцлер — ждут не закона, а её выражения лица. Если императрица решит, что вопрос Миры забавен, его назовут остроумием. Если решит, что опасен, его назовут дерзостью. Правила здесь были не высечены в камне. Они сидели на возвышении в тёмном платье.

— Пусть невеста услышит условия, — сказала Августа.

Мира не выдохнула. Рано.

Канцлер положил ладони по обе стороны от договора. Строки на перламутровых пластинах вспыхнули серебром и вытянулись ровнее. Мира смотрела, пытаясь уловить смысл, но буквы дрожали и менялись. В отличие от надписи на печати, договор не спешил становиться понятным. Может быть, он не хотел, чтобы она читала. Может быть, не считал её той, кому положено.

— По имперскому указу от седьмого дня зимнего сбора, младшая линия Дома Арденов передаёт брачное право на госпожу Миралию Арден Дому Вельских в лице Радомира Вельского, — начал канцлер. — Дом Вельских принимает обязательство защиты, содержания, представительства при дворе и родового покровительства. Дом Арденов получает закрытие старого долга перед северным пограничем и право на восстановление трёх утраченных голосов в Совете малых домов.

Мира слушала и чувствовала, как внутри поднимается холодная злость. Вот оно. Не судьба, не романтическое назначение, не великая традиция. Долг. Голоса. Совет. Её здесь меняли на политический вес, как меняют одну ценность на другую, даже не пытаясь скрыть арифметику.

— А сама Миралия что получает? — спросила она.

Канцлер сбился.

Это было видно по тому, как его палец задержался над строкой. Зал опять стал слишком тихим. Радомир стоял рядом неподвижно, но Мира чувствовала, что он слушает теперь не канцлера, а её.

— Госпожа Арден получает положение супруги главы Дома Вельских, — произнёс канцлер. — Защиту имени, покровительство рода, доступ к северному наследию...

— Это получает её фамилия, — сказала Мира. — А она?

Полный мужчина в бордовом выступил на шаг.

— Миралия!

Слово хлестнуло по залу не хуже пощёчины. Мира посмотрела на него и впервые ощутила странный внутренний толчок, похожий не на воспоминание, а на эхо. Чужое тело узнало голос раньше неё. Плечи сами захотели опуститься. Губы — замолчать. Не от страха Миры, а от привычки той, прежней девушки, которую с шести лет готовили к этому дню.

Мира заметила это и разозлилась уже по-настоящему.

Не на мужчину даже. На то, что чужая привычка послушания едва не стала её движением.

— Не кричите на меня, — сказала она.

Мужчина застыл с открытым ртом.

Кто-то на балконе не удержался и тихо выдохнул что-то похожее на смешок. Молодой человек в зелёном камзоле отвернулся к колонне, но плечи его дрогнули. Императрица не улыбалась. Радомир тоже. Однако в его молчании появилось что-то новое. Не одобрение, нет. Скорее осторожное удивление, которое он не собирался показывать залу.

— Госпожа Арден, — голос канцлера стал суше, — церемония не является торговым спором.

— Жаль, потому что условия похожи именно на него.

— Достаточно, — произнесла императрица.

Одного слова хватило, чтобы Мира почувствовала: край близко. Она не знала, где именно проходит граница допустимого, но сейчас подошла к ней вплотную, возможно, даже наступила носком на опасную сторону.

Августа поднялась.

Зал склонился почти одновременно. Мира запоздала на мгновение, но всё же присела снова. Радомир поклонился, сохраняя ту меру, которая никого не оскорбляла и никому не принадлежала полностью.

— Госпожа Арден, — сказала императрица, — вы сегодня необычайно разговорчивы для девушки, которая на трёх предыдущих смотрах не произнесла ни одного лишнего слова.

Три смотра. Значит, Миралия была здесь раньше. Видела этих людей. Возможно, стояла в этом зале. Молчала. Почему? Потому что боялась? Потому что уже знала, что говорить бесполезно? Или потому что в ней тогда уже что-то ломалось?

— Сегодня необычный день, ваше величество, — ответила Мира.

— Верно. День, когда личные сомнения уступают место родовой необходимости.

Мира очень захотела сказать, куда именно может пойти такая необходимость, но не сказала. Не потому что испугалась. Потому что вспомнила слова Радомира: дожить до момента, когда можно задать больше вопросов. Прямота уже дала ей немного времени, но прямота без расчёта могла отнять всё.

Императрица спустилась с возвышения на одну ступень. Её тёмное платье не шелестело. Оно двигалось вокруг неё, как тень от короны.

— Подойдите к линии, — сказала она. — Услышанных условий достаточно.

Мира посмотрела на серебряный круг.

Печать ждала.

Всё в этом зале ждало: дома, договор, Радомир, императрица, даже древнее что-то под дворцом, отозвавшееся на их прикосновение. И в этом ожидании не было места Мире Зори-

ной, девушке из другого времени, которая вчера ещё держала старый телефон и думала, как пережить выпускной без глупых разговоров о будущем.

Будущее нашло её само. В белом платье. С чужим именем. С серебряным знаком на запястье.

Она сделала шаг к линии.

Радомир двинулся рядом, но не впереди. Это была мелочь, которую в зале, возможно, никто не понял. Мира поняла. Он не вёл её, как пойманную. Не толкал к договору. Просто шёл рядом, оставляя ей видимость выбора там, где настоящего выбора почти не было.

Почти.

У самой линии Мира остановилась.

— Я подойду, — сказала она. — Но я хочу внести условие.

Если до этого зал шептался, то теперь он будто перестал быть живым.

Канцлер Эймар посмотрел на неё как на ошибку в документе. Полный Арден побелел. Варана закрыла глаза. Молодой человек в зелёном камзоле уже не скрывал интереса. Императрица Августа долго молчала.

— Невеста не вносит условия в имперский указ, — наконец произнесла она.

— Тогда это не добровольность, а украшенная клетка, — ответила Мира и, пока зал не успел взорваться возмущением, добавила: — Я не прошу отменить указ. Я прошу зафиксировать одно право.

Радомир едва заметно повернулся к ней. Теперь он, кажется, действительно не знал, что она сделает. Мира тоже не знала до конца. Мысль пришла только что, отчаянная и неуклюжая, но другой у неё не было. Если договор нельзя остановить, надо хотя бы вставить в него занозу.

— Какое право? — спросила императрица.

Мира подняла руку с печатью. Серебряные линии дрогнули, словно тоже слушали.

— Право задавать вопросы о собственном брачном договоре и получать ответы от супруга без наказания, заточения и передачи третьим лицам. До первого новолуния после утверждения.

Она не знала, есть ли здесь новолуние. Не знала, звучит ли формулировка правильно. Не знала, не нарушает ли она тысячу невидимых правил. Но это было лучше, чем молча шагнуть в круг.

Канцлер открыл рот, но Радомир заговорил раньше:

— Дом Вельских принимает это условие.

Мира повернулась к нему.

Он смотрел не на неё, а на императрицу. Лицо спокойное, голос ровный. Но теперь Мира отчётливо почувствовала: он не просто играет роль. Он тоже делает ход. Зачем — неизвестно. Ради неё, ради себя, ради тайны Миралии или против тех, кто всё это устроил, — она пока не понимала. Но ход был настоящим.

— Щедро, — сказала Августа. — Или опрометчиво.

— Иногда это одно и то же, ваше величество.

На этот раз даже канцлер побледнел.

Императрица спустилась ещё на одну ступень. Теперь между ней и серебряным кругом оставалось всего несколько шагов. Мира заставила себя не отступить. Слишком много глаз. Слишком мало воздуха. Слишком яркая печать.

— Пусть будет вписано, — сказала Августа.

Канцлер Эймар замер.

— Ваше величество?

— Впишите право вопросов до первого новолуния. Посмотрим, что госпожа Арден сумеет спросить, если так дорожит этим даром.

Даром. Мира едва не рассмеялась. Здесь даже возможность говорить называли даром, если её позволяла власть.

Канцлер прикоснулся к договору двумя пальцами. Строки дрогнули. На перламутровой пластине появилась новая нить текста, тонкая, почти неразличимая. Мира пыталась прочесть, но смысл ускользал. Тогда она поняла: договор всё равно не стал её языком. Он только терпел её присутствие.

— Теперь, — сказал канцлер, — жених и невеста вступают на линию.

Радомир первым поставил ногу на серебряный круг. Линия под ним вспыхнула ровно, без треска, без звука. Мира смотрела на этот свет и думала, что в детстве, когда она не хотела заходить к директору, мама говорила: «Ничего страшного, просто шагни, и всё закончится». Но здесь каждый шаг не заканчивал, а начинал.

Она вступила на линию.

Мир качнулся.

Не зал. Не пол. Именно мир — как будто под привычной реальностью открылась вторая, более старая, более тяжёлая, и на мгновение обе не смогли удержаться ровно. Серебро поднялось вокруг круга тонкой прозрачной стеной. Люди за ней стали размытыми, голоса пропали. Остались только Мира, Радомир, договор и гул под дворцом.

Канцлер говорил что-то, но слова доходили с опозданием.

— Назовите имя, принятое родом.

Радомир ответил первым:

— Радомир из Дома Вельских.

Линия у его ног вспыхнула и поднялась к запястью. Его печать приняла свет спокойно.

Теперь все ждали её.

Мира открыла рот — и не смогла произнести «Миралия». Слово встало поперёк горла. Не физически, не болью, а отказом. Если она назовёт это имя, не станет ли ложь прочнее? Не исчезнет ли ещё один след настоящей Миралии? Но если она скажет «Мира Зорина», императрица получит именно то, о чём предупреждал Радомир.

Канцлер нахмурился.

— Невеста называет имя.

Мира чувствовала взгляд Радомира. Он не подсказывал. Не шептал. Но его правая рука чуть повернулась, и печать на его запястье стала видна ей яснее. Один круг. Второй. Острый лепесток. Две пересекающиеся черты. У них был общий знак, но не общая правда.

Она вспомнила надпись: «Невеста найдена».

Не «Миралия». Не «Мира». Невеста.

— Мира, — сказала она. — Из Дома Арденов.

Зал за серебряной стеной, кажется, пошевелился. Канцлер резко поднял глаза. Договор на столе вспыхнул не серебром, а бледным золотом, словно не ожидал такого ответа и теперь проверял, ошибка это или новая строка.

Мира задержала дыхание.

Печать на её запястье дрогнула, но не ударила болью. Свет поднялся по серебряной линии, коснулся её руки и вдруг замер, будто наткнулся на препятствие. Внутри знака что-то изменилось. Не исчезло. Не освободило. Только разомкнулось в одном месте, оставив тонкую тёмную щель.

Радомир заметил.

Она поняла это по его глазам. Для всех остальных, возможно, печать просто вспыхнула. Он же увидел нарушение. Маленькое. Но настоящее.

Канцлер поспешно наклонился над договором.

— Имя принято, — произнёс он, однако в голосе впервые появилась неуверенность.

Серебряная стена вокруг круга стала выше. Мира слышала теперь только собственное дыхание и низкий гул под полом. Ей показалось, что где-то далеко, за камнем, за слоями дворца и земли, огромный механизм повернулся на один зубец. Или не механизм. Что-то живое в этом мире могло звучать как механизм, если веками заставлять его служить указам.

— Родовая связь свидетельствуется, — продолжил канцлер. — Защита принимается. Долг закрывается. Права сторон утверждаются. До первого новолуния невеста имеет право вопросов, признанное Домом Вельских и дозволенное престолом.

Слова впивались в воздух и оставались там невидимыми крючками.

Мира смотрела на договор и вдруг увидела то, что не видела раньше.

Между строками, там, где серебряный текст менялся и переливался, была ещё одна строка. Не вписанная канцлером. Не произнесённая вслух. Тонкая, бледная, почти прозрачная. Она проступала не буквами, а разрывами в сиянии, как царапина на стекле.

«После утверждения открыть нижнюю печать».

Мира не поняла слов до конца, но тело отреагировало раньше мысли. Нижняя печать. То самое, что отозвалось под дворцом. Значит, этот брак был не только про долг и голоса в совете. Их соединяли ради чего-то внизу. Ради того, что уже проснулось.

Она резко посмотрела на Радомира.

Он не видел строку.

Впервые за всё время Мира оказалась обладательницей знания, которого не было у него. И это знание не делало её сильнее. Оно делало её опаснее для всех, включая саму себя.

— Завершите утверждение, — сказал канцлер.

Радомир протянул руку через свет. Не так, как на лестнице. Теперь его ладонь была частью обряда. Если она вложит пальцы, круг замкнётся окончательно.

Мира могла отказаться.

Она почти верила в это две секунды.

Потом серебряная линия под её ногами потянулась к запястью, и печать напомнила: отказ здесь тоже часть правил, заранее учтённая теми, кто их писал. Если она отступит сейчас, её заберут у Радомира. Если закончит обряд, останется в клетке, но с правом вопросов и с человеком, который тоже не доверяет происходящему.

Плохой выбор и очень плохой выбор.

Мира вложила руку в ладонь Радомира.

Свет сомкнулся.

Зал исчез.

На один короткий миг она увидела не людей и не стены, а тёмное пространство под дворцом, где в камне лежала огромная круглая плита, перечёркнутая теми же знаками, что горели у них на руках. По краю плиты бежали трещины серебряного света. Внутри, под камнем, кто-то или что-то не спало уже давно, а только ждало, когда наверху два чужих имени совпадут достаточно, чтобы замок начал открываться.

Потом видение оборвалось.

Мира снова стояла в зале. Люди вокруг шумели, но сдержанно, потому что при императрице даже потрясение, видимо, должно было соблюдать этикет. Канцлер закрыл договор. Серебряная линия на полу погасла. Печать на запястье Миры стала тусклее, зато тёмная щель внутри знака осталась.

Радомир всё ещё держал её руку.

— Поздравляю Дом Вельских и Дом Арденов с утверждённой связью, — произнесла императрица. — Пусть долг станет опорой, а союз — пользой империи.

Пользой. Не счастьем, не миром, не доброй судьбой. Пользой.

Мира хотела выдернуть руку, но Радомир слегка сжал пальцы. Не больно. Предупреждающе. Она подняла взгляд и увидела, что к ним уже приближается императрица.

Теперь бежать было некуда.

Августа остановилась перед ними. Вблизи она казалась моложе, чем с возвышения, но от этого не мягче. Её глаза были тёмными, почти чёрными, и в них отражался свет печатей, как в глубокой воде.

— Госпожа Арден, — сказала она, — сегодня вы удивили двор.

— Надеюсь, не слишком неприятно, ваше величество.

— Неприятные удивления иногда оказываются полезнее приятных.

Мира не знала, что на это ответить, и промолчала. Кажется, впервые за весь зал сделала правильно.

Императрица перевела взгляд на Радомира.

— Ваша невеста изменилась.

— Люди меняются перед браком.

— Некоторые — до неузнаваемости.

Мира почувствовала, как смысл фразы ложится между ними тонким лезвием. Императрица подозревала. Возможно, не знала, в чём именно дело, но видела слишком много.

Радомир не отвёл глаз.

— Значит, мне предстоит знакомство.

Августа чуть склонила голову.

— Проследите, чтобы оно не оказалось разочарованием для престола.

— Разочарования престола обычно дорого обходятся, — сказал он. — Я помню.

В этих словах было прошлое, которого Мира не знала. Взгляд императрицы задержался на серебряном шраме над его бровью, и на миг зал будто отдалился. Потом Августа снова посмотрела на Миру.

— До первого новолуния, госпожа Арден. Спрашивайте осторожно. Иногда ответ опаснее незнания.

Она ушла, не дожидаясь поклона. Весь зал снова пришёл в движение. Люди начали подходить, кланяться, произносить поздравления, в которых не было ни капли радости. Мира отвечала коротко, следя за тем, чтобы не сказать лишнего, но имена и лица смешивались. Ардены смотрели на неё с яростью. Моревиты — с холодным любопытством. Арквины — с улыбками, которые хотелось сразу стереть из памяти.

Особенно один.

Князь Селест Арквин подошёл не сразу. Мира узнала его по тому, как зал сам освободил ему дорогу, хотя никто не отступал явно. Высокий, светловолосый, в тёмно-синем камзоле с золотым знаком у воротника. Красивый не той красотой, которую замечают случайно, а той, которую человек сознательно носит как оружие. Его глаза были светлыми, почти прозрачными, и улыбался он так, будто уже знал ответ на вопрос, который собеседник ещё не задал.

— Радомир, — сказал он мягко. — Редко видел тебя таким щедрым. Право вопросов для невесты — смелый подарок.

— Селест, — ответил Радомир. — Редко видел тебя возле чужого договора без личной выгоды.

Князь рассмеялся тихо, почти приятно.

— Так ведь чужие договоры иногда открывают самые любопытные двери.

Мира почувствовала, как печать на её запястье отозвалась слабым холодком. Не болью, не светом. Предупреждением? Или это она уже начинала искать знаки в каждом движении?

Селест повернулся к ней.

— Госпожа Миралия, примите поздравления. Вы сегодня были восхитительно неожиданны.

— Спасибо, — сказала Мира. — Я старалась не быть скучной.

— О, это вам удалось. Особенно с именем.

Радомир чуть сместился, закрывая её от князя не полностью, но достаточно, чтобы это стало заметно.

— Церемония завершена.

— Разумеется. Я не задерживаю. Просто хотел посмотреть на девушку, которая заставила договор задуматься.

Мира застыла.

Это заметил только Радомир. Его рука, всё ещё державшая её пальцы, стала неподвижной.

Селест улыбнулся шире.

— Не пугайтесь, госпожа. Договоры иногда капризничают. Особенно старые. Особенно когда им дают имя, которое они не ожидали услышать.

— Вы хорошо разбираетесь в договорах? — спросила Мира прежде, чем успела остановиться.

— Немного. Достаточно, чтобы знать: самый важный текст обычно пишется не там, где его читают вслух.

Слова ударили точно в то место, где в её памяти ещё светила скрытая строка: «После утверждения открыть нижнюю печать».

Он знает?

Или проверяет?

Радомир наконец отпустил руку Миры, но только чтобы сделать шаг вперёд.

— Поздравления приняты.

Голос у него остался вежливым. Настолько вежливым, что Мира поняла: ещё немного, и вежливость закончится чем-то гораздо менее безопасным.

Селест поднял ладони в примиряющем жесте.

— Не буду отнимать невесту в первый день. Тем более такую редкую.

Он поклонился Мире, но взгляд его задержался на её запястье. На тёмной щели в печати. Слишком долго.

Когда князь отошёл, зал будто снова наполнился воздухом. Мира не сразу поняла, что всё это время дышала неглубоко.

— Он видел, — сказала она тихо.

— Что именно?

Она посмотрела на Радомира.

Вот теперь начиналась настоящая опасность. Если сказать ему о скрытой строке, она отдаст единственное преимущество. Если промолчать, он может не узнать о нижней печати до того момента, когда станет поздно. Но кто он ей? Жених по указу. Человек, который мог сдать её императрице, если решит, что так выгоднее. Человек, который поверил не ей, а нарушению в договоре.

— Ваш князь Арквин слишком внимательно смотрит на чужие руки, — сказала она.

Радомир понял, что это не весь ответ. Его взгляд стал уже, но он не стал требовать продолжения посреди зала.

— Селест Арквин ничего не делает просто так.

— А вы?

— Я тоже.

Мира почти улыбнулась, но вовремя вспомнила, где стоит.

К ним снова подошла Варана, теперь бледная от сдержанной ярости.

— Госпожа, вам необходимо вернуться в покои, привести наряд в порядок перед представлением домов и...

— Нет, — сказал Радомир.

Варана осеклась.

— Ваша светлость?

— Госпожа Арден отправится в восточное крыло. Со мной.

— Но Дом Арденов...

— Уже передал брачное право Дому Вельских. Вы слышали канцлера.

Варана открыла рот, закрыла и поклонилась. Мира даже почти посочувствовала ей. Почти — потому что Варана явно больше переживала за порядок, чем за человека внутри этого порядка.

Радомир повернулся к Мире.

— Идёмте.

— Куда?

— Туда, где меньше ушей.

— А если я не хочу?

Он посмотрел на неё без прежней отстранённости. Теперь в его взгляде было что-то острое и живое.

— Тогда останетесь здесь, среди людей, которые уже решают, как использовать вашу ошибку с именем, вашу попытку бегства и вашу странную печать. Но прежде чем выберете этот вариант, вспомните: право вопросов действует только между вами и мной. Остальные отвечать не обязаны.

Мира ненавидела, когда неприятные люди говорили разумные вещи. Это мешало сразу отправить их в список врагов.

Она пошла рядом с ним.

Они вышли из зала через боковую дверь, миновав основную толпу. Два человека Радомира последовали на расстоянии. Коридор за дверью оказался тише, ниже и темнее. Шум церемонии быстро отступил, будто зал со всем своим блеском принадлежал другому слою дворца.

Мира молчала до первого поворота. Потом остановилась.

— Вы обещали, что Элису не тронут.

Радомир тоже остановился.

— Я уже распорядился.

— Когда?

— Пока вы спорили с канцлером о добровольности.

Она нахмурилась. Он успел незаметно подать знак? Кому? Как? Здесь она снова упиралась в незнание мира. В её прежней жизни люди писали сообщения, звонили, махали рукой через улицу. Здесь, похоже, достаточно было взгляда, чтобы чья-то судьба сменила направление.

— Спасибо, — сказала она неохотно.

— Не благодарите раньше результата.

— Вы всегда так портите нормальные человеческие моменты?

— Я редко участвую в нормальных человеческих моментах.

Мира не ожидала этого ответа и поэтому не нашлась сразу. Он пошёл дальше, а она догнала через пару шагов, злясь на себя за то, что на миг ей стало его жаль. Нельзя. Жалость в незнакомом мире могла оказаться верёвкой, за которую её поведут куда угодно.

Они дошли до небольшой комнаты с высоким окном и тяжёлым письменным столом. Радомир жестом отпустил сопровождающих, вошёл первым, осмотрел стены, словно проверял не красоту, а безопасность, и только потом кивнул Мире.

— Здесь можно говорить.

Она переступила порог. Дверь закрылась за спиной без хлопка, но звук всё равно оказался окончательным.

Комната была почти пустой: стол, два кресла, карта на стене, каменная полка с несколькими закрытыми шкатулками и узкое окно, через которое виднелась часть сада. Того самого сада, где ещё недавно Мира почти поверила, что сможет убежать.

Радомир снял чёрную перчатку с левой руки и положил её на стол. На этой руке печати не было, зато по пальцам тянулись тонкие серебряные линии старых шрамов. Он заметил её взгляд.

— Вы хотели задавать вопросы.

— Их слишком много.

— Начните с того, который боитесь произнести.

Мира усмехнулась без веселья.

— Вы правда сдадите меня императрице, если я сделаю неверный шаг?

— Да.

Ответ снова был слишком быстрым.

Она отошла к окну, чтобы не стоять прямо перед ним. Сад внизу казался теперь не свободой, а картинкой внутри рамы.

— Хотя знаете, что я не Миралия?

— Именно поэтому.

Мира повернулась.

— Прекрасно. Очень обнадеживает.

— Если вы угроза империи, я обязан передать вас престолу. Если вы жертва чужого обряда, я должен понять, чьего. Если вы обманщица, занявшая место Миралии Арден, мне нужно выяснить, зачем. В каждом из этих случаев один неверный шаг может стоить жизни не только вам.

Он сказал это спокойно, но впервые в его голосе появилась тяжесть. Не угроза ради власти. Скорее расчёт человека, который видел, как одна ошибка падает не на одного, а на многих.

— Я не занимала ничьё место, — сказала Мира. — Я была у себя. В своём мире. Или времени. Я не знаю, как правильно. Был вечер, выпускной, улица, телефон. Потом вспышка в стекле. Потом ваша комната, ваше платье, ваша церемония и это.

Она подняла руку с печатью.

Радомир слушал не перебивая. И от этого ей почему-то стало труднее говорить. Когда тебе не верят шумно, можно злиться. Когда тебе не верят внимательно, каждое слово приходится самой проверять на прочность.

— Я не знаю, где Миралия, — добавила она. — Я даже не знаю, жива ли она. И не знаю, почему я похожа на неё.

— Насколько похожи?

— Достаточно, чтобы ваши люди не заметили. Недостаточно, чтобы зеркало меня убедило.

Он подошёл ближе, но остановился у стола.

— У Миралии Арден был серебряный ободок вокруг радужки?

— У этого тела есть.

— Я спрашиваю не о теле.

Мира помолчала. Вопрос был странным. Неприятно точным.

— У меня раньше не было. У Миры Зориной. Глаза были серые, обычные. Волосы короче. Родинки на виске не было. Рост, кажется, тоже другой.

Радомир медленно кивнул, будто одна из его внутренних версий подтвердилась, но не до конца.

— Значит, это не простая подмена.

— А бывает простая?

— Бывает внешняя. Когда меняют лицо, голос, привычки. Но родовая печать не приняла бы чужую оболочку без связи с именем.

— Вы опять говорите так, будто я должна понять.

— Нет. Я говорю так, чтобы понять самому.

Это неожиданно обезоруживало. Мира хотела, чтобы он был самоуверенным властным женихом из чужого кошмара. Но он оказался человеком, который, кажется, тоже стоял в центре ловушки, только знал названия её стен.

— В договоре была скрытая строка, — сказала она.

Радомир поднял взгляд.

Мира сразу пожалела, что сказала. Слова вырвались раньше, чем она решила доверять. Или не доверять. Но назад их уже нельзя было вернуть.

— Какая строка?

— Я не знаю, правильно ли прочитала.

— Какая, Мира?

Он впервые назвал её так. Не Миралия. Не госпожа Арден. Мира.

Имя прозвучало негромко, но от него внутри что-то дрогнуло — не печать, не магия, а она сама. В этом мире, где её уже успели назвать чужой наследницей, невестой, госпожой и частью договора, собственное имя вдруг стало почти роскошью.

— «После утверждения открыть нижнюю печать», — сказала она.

Радомир побледнел.

Совсем немного. Любой другой не заметил бы. Мира заметила, потому что смотрела слишком внимательно.

— Что это значит? — спросила она.

Он не ответил.

За стеной, глубоко внизу, раздался глухой звук. Не звон, как прежде. Удар. Такой далёкий, что его можно было принять за движение камня, если бы печати на их запястьях не вспыхнули одновременно.

На этот раз тёмная щель внутри знака Миры расширилась.

Из неё проступила новая короткая строка.

«Первый замок снят».

Мира медленно подняла руку. Радомир смотрел на её печать, и в его глазах впервые появилось не спокойствие, не расчёт и даже не подозрение.

Страх.

Он оказался почти незаметным, но от этого куда более настоящим.

— Радомир, — сказала Мира, забыв все титулы, — что под дворцом?

Он подошёл к двери, прислушался, затем повернул ключ в замке. Только после этого ответил:

— То, что не должно было проснуться от брачного договора.

И в ту же секунду за дверью кто-то тихо постучал.

Не настойчиво. Не громко. Три ровных удара — как знак человека, который знает: внутри его уже слышали.

Радомир не шелохнулся.

А Мира вдруг увидела, как по нижнему краю двери, прямо из коридора, внутрь комнаты ползёт тонкая серебряная линия, складываясь в уже знакомые слова:

«Невесту требуется вернуть к печати».

### Глава 3. Договор, который нельзя разорвать

Серебряная линия ползла по полу так медленно, будто давала Мира время передумать.

Она тянулась из-под двери тонкой светящейся жилкой, пересекала тёмные плиты и складывалась в слова, которые не должны были существовать в комнате с запертым замком и тяжёлым письменным столом. Мира смотрела на них и почти ждала, что буквы дрогнут, рассыплются, окажутся отражением света от окна или очередной странностью, которую этот мир подсовывает ей вместо нормальных объяснений.

Но строка не исчезала.

«Невесту требуется вернуть к печати».

Слово «требуется» было хуже приказа. В приказе есть тот, кто его отдаёт, есть голос, лицо, причина, возможность хотя бы мысленно возразить. Здесь же не было никого. Только холодная уверенность механизма, который уже решил, куда ей идти.

Радомир стоял между дверью и Мирой. Не театрально, не раскинув руки, не изображая защитника из плохой сказки. Просто занял место так, что, если дверь откроется, первым увидят его, а не её. Это движение было таким естественным, что Мира заметила его не сразу. Заметила — и тут же заставила себя не придавать этому слишком много значения.

Он не спасал её. Он охранял собственную загадку.

За дверью снова постучали.

Три удара.

Ровные. Вежливые. Не торопливые.

— Кто там? — спросил Радомир.

Мира ожидала голоса стражника, Вараны, императорского посланника, кого угодно из людей. В ответ под дверью серебряная линия вспыхнула чуть ярче, и поверх прежней надписи возникла новая:

«Откройте нижний ход».

Голосов не было.

Радомир не сразу шевельнулся. Это пугало больше, чем если бы он немедленно выхватил оружие или начал произносить непонятные заклинания. Мира уже успела понять: этот человек не замирал от растерянности. Если он молчал, значит, внутри него быстро и точно пересчитывались варианты, и ни один ему не нравился.

— Это не человек? — спросила она.

— Не совсем.

— Как можно быть не совсем человеком?

— Здесь многое умеет носить человеческую форму.

Мира посмотрела на дверь. За ней не было ни тени под щелью, ни дыхания, ни скрипа одежды. Только серебряная строка, ползущая всё ближе к её туфелькам.

Она отступила на шаг. Линия остановилась. Не исчезла, не свернула. Просто замерла, будто отметила расстояние.

— Оно реагирует на меня.

— Да.

— Почему?

Радомир посмотрел на её запястье. Тёмная щель внутри печати оставалась открытой, и серебряные линии вокруг неё мерцали неровно, как свет за неплотно закрытой ставней.

— Потому что вы назвали не то имя.

Мира резко подняла глаза.

— Я назвала своё имя.

— Именно поэтому договор не сомкнулся полностью.

Она медленно осознала смысл. Не весь сразу. Сначала только саму возможность: её упрямство, которое в зале казалось почти самоубийственной глупостью, что-то изменило. Маленькая тёмная щель в печати была не поломкой от страха и не клеймом ошибки. Она была незакрытой дверцей. Узкой, опасной, но настоящей.

— Значит, его можно разорвать?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком сухо.

— Вы даже не подумали.

— Я знаю такие договоры.

— Вы знали, что он откроет что-то под дворцом?

Радомир не ответил сразу, и этого хватило.

Мира почувствовала, как внутри поднимается злость. События сыпались на неё без остановки: чужое тело, дворец, церемония, императрица, договор, нижняя печать, невидимый стук за дверью. Она ещё не успела испугаться одного до конца, как появлялось следующее. Но злость была проще страха. Злость давала форму.

— Значит, знали.

— Я подозревал, что брак с Арденами нужен не ради их долгов и не ради трёх голосов в Совете малых домов.

— И всё равно повели меня к линии?

Он повернулся к ней. Серые глаза под тёмными бровями были спокойны, но спокойствие уже не казалось ледяным. Скорее сдержанным до боли.

— Если бы я не повёл вас к линии, вас забрала бы императрица. Если бы вы назвали Миралию полным именем, договор сомкнулся бы без изъяна. Если бы вы назвали Миру Зорину, вас сочли бы нарушением указа и отдали бы тем, кто служит не домам, а престолу. Из всех плохих исходов вы выбрали единственный, где у нас остался зазор.

— У нас?

Слово вырвалось само.

Радомир посмотрел на дверь, где серебряная надпись стала тоньше, но не исчезла.

— Да. У нас.

Мира хотела возразить. Сказать, что никакого «у нас» нет, что она не просила его становиться частью её беды, что он не имеет права говорить так, будто они уже связаны чем-то большим, чем светящаяся ловушка на запястьях. Но слова застряли, потому что печать вдруг отозвалась на это «у нас» тихой пульсацией. Не болью. Признанием.

Она стиснула пальцы.

— Не нравится мне, когда магические штуки имеют своё мнение.

— Привыкайте не спешить с доверием к ним.

— Я пока и к людям не спешу.

— Разумно.

За дверью постучали в третий раз.

Теперь стук был громче. Не от нетерпения. От приближения.

Радомир подошёл к столу, взял с него тонкую серебряную пластину, похожую на закладку, и провёл ею над замком. На поверхности двери вспыхнула сеть знаков. Мира ожидала, что они будут теми же, что на её печати, но нет. Эти линии были угловатыми, строгими, будто составленными не для брака, а для запрета.

— Вы закрыли дверь магией?

— Я закрыл её именем комнаты. Это надёжнее.

— У комнат есть имена?

— У старых — да.

Мира почти спросила, сколько лет этой комнате, но передумала. В мире, где двери умеют принимать участие в разговоре, возраст мебели мог оказаться не самым срочным вопросом.

Серебряная линия под дверью вдруг раздвоилась. Одна часть осталась на полу, другая поднялась вертикально по дереву и сложилась в очертания ладони. Ладонь легла на дверь с той стороны без звука. Замок щёлкнул.

Радомир сразу встал перед Мирой. На этот раз так быстро, что она даже не успела возмутиться.

Дверь открылась внутрь.

За порогом стоял мальчик лет двенадцати. По крайней мере сначала Мире показалось, что это мальчик: невысокий, худой, в тёмно-сером костюме без украшений, с прямыми светлыми волосами, подстриженными ровной линией у подбородка. Он держал в руках плоскую чёрную папку и смотрел перед собой пустыми серебристыми глазами.

Мира сделала шаг в сторону, чтобы видеть его лучше, и тут же поняла: ребёнком он не был. Не в обычном смысле. Слишком неподвижное лицо. Слишком ровная кожа. Слишком аккуратный поклон, в котором не было ни страха, ни уважения, ни привычки. Только исполнение.

— Архивный посыльный нижнего уровня, — тихо сказал Радомир.

— Он живой?

— Зависит от того, кого спросить.

Посыльный поднял голову.

— Брачная связь активировала первое хранилище. Невесте надлежит явиться к печати для сверки имени. Жених сопровождает. Отказ фиксируется как нарушение нижнего порядка.

— Нижний порядок не имеет права вызывать людей во дворец без разрешения престола, — сказал Радомир.

Посыльный моргнул. Очень медленно. Так не моргают дети, взрослые и вообще живые существа, которым нужно увлажнять глаза. Так закрывается и открывается ставня.

— Разрешение заложено в договор.

— В показанной строке его не было.

— В показанной строке не обязано быть всего.

Мира почувствовала неприятный холод между лопатками. Вот теперь она начала понимать. То, что канцлер читал в зале, было не договором, а витриной. Настоящий текст лежал глубже, между строк, в скрытых условиях, в старых словах, которые местные маги то ли не видели, то ли делали вид, что не видят. А она увидела. Почему — неизвестно. Но увидела.

— Спросите его про скрытую строку, — сказала она Радомиру.

Посыльный повернул к ней голову.

Движение было небольшим, но таким резким по смыслу, что Мира замолчала. До этого он будто не признавал её отдельным человеком. Просто объект вызова. Теперь же серебристые глаза остановились прямо на её лице.

— Невеста видит нижний текст.

Не вопрос. Установление факта.

Радомир не повернулся к Мире, но она заметила, как изменилось его плечо. Едва заметное напряжение, мгновенное и опасное.

— Невеста имеет право вопросов до первого новолуния, — сказал он. — Это вписано, признано и дозволено престолом.

Посыльный посмотрел на него.

— Вопросы разрешены супругу. Нижний текст принадлежит печати.

— Тогда печать ответит супругу.

— Печать отвечает не тому, кто спрашивает. Печать отвечает тому, кого считает ключом.

Мира медленно опустила взгляд на своё запястье.

Ключом.

Ей не понравилось это слово. Даже меньше, чем «невеста». Ключ — это не человек, а предмет, который вставляют в замок, поворачивают и убирают, если он больше не нужен. Ключ не спрашивают. Ключом пользуются.

— Я никуда с ним не пойду, — сказала она.

Посыльный снова повернулся к ней.

— Отказ фиксируется.

— Пусть фиксируется.

Радомир бросил на неё короткий взгляд. Не запрещающий. Предупреждающий.

Но Мира не могла молчать. Она слишком хорошо помнила серебряный круг, взгляды домов, чужой голос мужчины из Арденов, от которого тело Миралии хотело склониться. Если сейчас она позволит этому странному посыльному вывести себя к нижней печати только потому, что так написано в невидимой строке, то дальше любая строка сможет делать с ней что угодно.

— Я не отказываюсь насовсем, — сказала она, быстро исправляясь, потому что увидела: прямое «нет» здесь не щит, а повод для нового удара. — Я требую объяснить, что значит сверка имени, что будет с моей печатью, что находится под дворцом и кто вписал это условие в договор. Это вопросы о моём брачном договоре. Они разрешены.

Посыльный молчал.

Мира почти физически чувствовала, как её слова сталкиваются с чем-то невидимым и холодным, проверяются, просеиваются, ищут слабое место. Ей стало страшно от того, что она не знает местных формулировок. В прежней жизни она спорила с учителями, с соседкой, которая вечно считала чужие шаги по подъезду, с одноклассниками, которые умели громко смеяться и плохо слушать. Но там слова были словами. Здесь они могли стать крючками, дверями или верёвками.

— Вопрос принят частично, — произнёс посыльный.

Мира выдохнула не сразу.

— Частично — это как?

— Сверка имени определяет, совпадает ли носитель печати с именем, заложенным в нижний замок. При несовпадении печать выбирает ближайшую допустимую связь.

— Что значит «ближайшую»?

Посыльный замолчал.

— Ответ закрыт.

— Кем?

— Тем, кто заключил нижнюю строку.

Радомир медленно спросил:

— Назовите заключившего.

Посыльный опустил взгляд на чёрную папку. Папка раскрылась сама. Внутри не было бумаги — только тёмная гладкая поверхность, по которой пробежали серебряные знаки. Мира увидела, как они вспыхивают и гаснут, но смысл не проступил. Видимо, договор показывал ей не всё. Или, что хуже, показывал только то, что хотел.

— Заключивший указан как представитель престола и домов-свидетелей, — сказал посыльный. — Полное имя закрыто до второго замка.

— Значит, уже планировался второй, — сказал Радомир.

— Все замки имеют порядок.

— Сколько их?

— Семь.

В комнате стало тише.

Мира посмотрела на своё запястье. Первый замок снят. Если их семь, то брачный договор — не случайный ключ к одной древней двери. Это лестница. И они уже наступили на первую ступень.

— Что будет после седьмого? — спросила она.

Посыльный повернулся к ней так быстро, что волосы у лица качнулись слишком поздно, словно не успели за движением.

— Невеста не обладает правом полного вопроса.

— Я обладаю правом вопросов о собственном договоре.

— Седьмой замок не является частью видимого договора.

— Но открывается из-за него.

На этот раз посыльный не ответил сразу. Мира почувствовала странное, почти безумное удовлетворение. Она попала. Не поняла, во что именно, но попала.

Радомир тоже это заметил.

— Если невеста является ключом, — сказал он, — всё, что требует её печати, относится к договору.

Посыльный моргнул.

— Толкование принято для временного исполнения.

Мира почти улыбнулась. Почти. Потому что победа была слишком маленькой и слишком опасной.

— После седьмого замка нижняя печать перестаёт удерживать то, что ей поручено удерживать, — сказал посыльный.

Ответ был тихим, ровным и страшным именно своей ровностью.

Мира ждала, что Радомир скажет: что именно. Что потребует подробностей. Но он молчал. И по его молчанию она поняла: он уже знает, по крайней мере часть. Возможно, не всё, но достаточно, чтобы его лицо стало ещё более закрытым.

— Что она удерживает? — спросила Мира сама.

Посыльный посмотрел на её печать.

— Память основания.

— Что это значит?

— Ответ закрыт.

— Кем?

— Всеми, кто выжил после основания.

Мира не поняла. Не могла понять. Слишком большие слова, слишком древние, слишком не её. Но где-то за ними пряталось не чудовище из детских сказок и не сундук с сокровищами. Память. То, что можно хранить, стирать, менять. В этом мире уже стёрли или спрятали многое: настоящую Миралию, скрытую строку, назначение брака, возможно, саму причину существования печати под городом.

— Нам нужно увидеть договор ещё раз, — сказал Радомир.

Мира резко посмотрела на него.

— Вы серьёзно? В зале? При канцлере и императрице?

— Нет. Не тот экземпляр.

— Их несколько?

— У каждого родового договора есть верхний список, церемониальный список и корневой список. Сегодня в зале лежал церемониальный. Он свидетельствует событие. Верхний хранится у канцлера. Корневой не должен покидать архив.

Посыльный поднял папку.

— Корневой список запросил невесту.

Мира не сразу поняла, что он имеет в виду.

Потом поняла — и ей захотелось отступить ещё дальше, но отступить было некуда, за спиной стояло окно.

— Это он? — спросила она.

— Нет, — сказал Радомир.

Посыльный одновременно произнёс:

— Часть.

Мира закрыла глаза на одно мгновение. Открыла. Комната осталась на месте. Радомир, посыльный, дверь, серебряная линия на полу. Всё слишком настоящее.

— Я хочу увидеть эту часть, — сказала она.

Радомир повернулся к ней.

— Не торопитесь.

— А у нас есть время не торопиться? Первый замок уже снят. Оно, — она кивнула вниз, хотя не знала, где именно под ними находится печать, — уже проснулось или начинает просыпаться. Если договор использует меня как ключ, я хочу хотя бы прочитывать замок, в который меня вставили.

Сказав это, Мира вдруг поняла, что голос у неё звучит спокойнее, чем она себя чувствует. Может быть, это было плохо. Может быть, она слишком быстро привыкала к невозможному. Но внутри никакой привычки не было. Внутри жила девочка из вчерашнего вечера, которая всё ещё помнила музыку у школы, старый телефон и сообщение маме. Просто эта девочка сейчас стояла в белом платье перед неживым посыльным и пыталась не дать древнему договору обращаться с собой как с вещью.

Радомир изучал её лицо несколько секунд.

— Если прикоснётесь к корневому списку без защиты, он может взять больше, чем ответ.

— Что именно?

— Воспоминание. Имя. Обещание. Иногда — путь назад.

Слова «путь назад» ударили сильнее всего.

Мира не знала, есть ли у неё путь назад. Не знала, можно ли вернуться к витрине, белой вспышке, выпускному вечеру. Но пока эта возможность не была названа вслух, её можно было прятать где-то внутри, как монетку на удачу. Радомир только что положил эту монетку на стол между ними и показал, как легко её могут забрать.

— Значит, вы защитите, — сказала она.

Он чуть прищурился.

— Вы быстро перешли от недоверия к требованиям.

— Не путайте. Я вам по-прежнему не доверяю. Просто у вас пока больше полезных навыков, чем у меня.

Это было почти грубо, но Радомир неожиданно не стал холоднее. Наоборот, его взгляд на миг стал живее, будто он оценил не вежливость, а честность.

— Справедливо.

Он подошёл к столу и провёл пальцами над его поверхностью. На тёмном дереве вспыхнул прямоугольник света. Мира увидела, как стол меняется: гладкая поверхность раскрывается тонким швом, изнутри поднимается узкая рама из чёрного металла. В раме не было стекла. Только пустота, похожая на неподвижную воду ночью.

— Руку, — сказал Радомир.

Мира не двинулась.

— Объясните сначала.

— Я поставлю временную границу между вашей печатью и корневым списком. Она не скроет вас полностью, но не даст списку сразу связать ваш отклик с нижней печатью.

— Сразу?

— Лучше не просите обещаний там, где их нельзя дать честно.

Она хотела сказать, что это не утешает, но сдержалась. Вместо этого протянула руку.

Радомир взял её запястье осторожно, двумя пальцами выше печати. Его прикосновение было холодным и точным. Мира поймала себя на том, что ждёт боли, вспышки, какого-нибудь нового приказа от знака. Но печать только слабо засветилась, словно узнала второго участника договора.

— Не сопротивляйтесь, когда линия пойдёт по коже, — сказал он. — Но если услышите голос, зовущий вас полным именем Миралии Арден, не отвечайте.

— А если моим?

Он поднял глаза.

— Тем более.

Мира не успела спросить почему.

Серебряная линия с его пальцев перешла на её кожу. Она не была похожа на боль. Скорее на ощущение холодной нити, которую осторожно протягивают под поверхностью запястья. Нить обошла печать, не касаясь тёмной щели, потом вернулась к началу и замкнулась тонким незаметным кольцом.

Мира вдруг вспомнила, как в детстве на школьной тетради обводила ошибку карандашом, чтобы потом исправить. Вот и сейчас Радомир будто обвёл её печать. Не стер. Не освободил. Только отметил границу.

— Готово, — сказал он и отпустил.

На месте кольца не осталось видимого следа, но Мира чувствовала его — как чувствуют недавно снятый браслет, которого уже нет, а память кожи осталась.

Посыльный всё это время стоял неподвижно. Теперь он положил чёрную папку на край стола. Папка не издала звука. Радомир не прикоснулся к ней, только посмотрел на Миру.

— Вы не обязаны.

Она горько усмехнулась.

— Это в вашем мире любимая шутка? Сначала человека загоняют в договор, а потом говорят, что он не обязан?

— Я говорю это не для договора.

Мира не нашлась, что ответить.

Тишина между ними получилась странной. Не мягкой, не доверительной, но уже не такой острой. Он не просил её верить. Он просто оставлял за ней решение там, где мог бы приказать. Возможно, потому что его условие в договоре обязывало. Возможно, потому что ему было выгодно. Возможно, потому что он и правда не хотел становиться ещё одной стеной.

Она подошла к столу.

Чёрная папка раскрылась сама.

Внутри появилась не страница, а глубокая тёмная плоскость, в которой отражалась не комната, а серебряный круг церемониального зала. Мира увидела себя и Радомира внутри того света — со стороны, сверху, как будто кто-то наблюдал за ними через потолок. Увидела, как она называет имя: «Мира из Дома Арденов». Увидела, как договор вспыхивает золотом. Потом изображение дрогнуло, и поверх него проступили строки.

На этот раз она понимала их.

Не все. Некоторые слова были провалами, некоторые расплывались, как будто не хотели быть прочитанными, но общий смысл шёл прямо в голову.

«Связь Вельского и Арденовой линии признать ключевой».

«При несовпадении полного имени использовать ближайшее живое отражение».

«После утверждения открыть нижнюю печать первого замка».

«Невесту вернуть к месту сверки до истечения первого часа».

Мира вцепилась пальцами в край стола.

— Ближайшее живое отражение, — повторила она.

Радомир склонился ближе, но не к папке, а к её лицу.

— Вы видите текст?

— Да.

— Читайте только то, что удерживается само. Не вытягивайте смысл из тёмных мест.

— А если там главное?

— Там то, за что договор берёт плату.

Она заставила себя не смотреть в провалы. Это оказалось труднее, чем она думала. Тёмные места притягивали. В них было обещание: посмотри, и поймёшь всё. Почему ты здесь. Где Миралия. Как вернуться. Кто виноват. Человек слаб именно там, где ему обещают ответ.

Мира перевела взгляд на видимые строки.

— Здесь написано, что меня используют как ближайшее живое отражение. Что это значит?

Радомир молчал.

Она повернулась к нему.

— Вы знаете.

— Догадываюсь.

— Тогда отвечайте. У меня право вопросов.

Он принял это без спора, но ответ дал не сразу. Казалось, он выбирает не между правдой и ложью, а между несколькими правдами, каждая из которых может ударить по-разному.

— Иногда в роду рождаются люди с зеркальной связью, — сказал он. — Не близнецы. Не копии. Отражения. Одна и та же возможность, разделённая разными линиями судьбы. В нашем мире это считается редким родовым отклонением. В старых архивах есть упоминания, что отражение может находиться не только в другом доме, но и... дальше.

— Дальше — это где?

— В иной ветви времени. В иной версии мира. В месте, которое не связано с империей напрямую.

Мира медленно села в кресло, потому что ноги вдруг стали ненадёжными.

Иная версия мира.

Она не была случайной прохожей, на которую упала магическая молния. Не была ошибкой стекла, выпускного вечера, белой вспышки. Договор искал Миралию, не нашёл или не смог удержать — и дотянулся до неё, потому что она оказалась ближайшим живым отражением.

Ближайшим.

Значит, Миралия где-то была. Или была до того, как договор начал искать замену.

— Если я отражение, — сказала Мира, — то где сама Миралия?

Радомир посмотрел на папку.

— Это должен был показать корневой список.

— Здесь есть строка?

— Спросите.

Она хотела возразить, что не умеет разговаривать с папками, но вовремя вспомнила: за последние часы она уже спорила с печатью, договором, посыльным и имперским порядком. Папка была не самой странной собеседницей.

Мира положила ладонь рядом с тёмной плоскостью, не касаясь её.

— Где Миралия Арден?

Корневой список потемнел. Видение церемониального зала исчезло. На поверхности осталось только её отражение — лицо в чужой причёске, с чужой родинкой, в белом платье, которое уже стало выглядеть не торжественным, а усталым. Потом отражение дрогнуло, и рядом с ним возникло второе.

Девушка, почти такая же.

Миралия.

Мира поняла это сразу. Не потому, что увидела явные отличия, а потому что лицо отражения было другим изнутри. Мягче? Тише? Нет. Скорее спрятаннее. Миралия смотрела куда-то вниз, будто привыкла не встречаться взглядом с теми, кто решает её жизнь. На её запястье тоже была печать, но не горящая — тонкая, бледная, как след от давно снятой цепи.

Изображение дрогнуло.

Миралия стояла в какой-то узкой комнате перед высоким зеркалом. На ней было то же белое платье, но полный наряд, с тяжёлым верхним слоем. Рядом не было служанок. Только зеркало. В зеркале, вместо отражения комнаты, сияла белая витрина с тёмной улицей за стеклом.

Мира узнала эту витрину.

Ту самую, возле которой всё началось.

Она подалась вперёд.

— Это мой мир.

Радомир резко посмотрел на изображение.

Миралия в видении подняла руку и коснулась стекла.

С другой стороны, в дрожащем отражении, стояла Мира Зорина в выпускном платье, с телефоном в ладони.

Мира перестала дышать.

Она увидела себя со стороны — настоящую себя. Не эту девушку с серебряным ободком вокруг глаз, не наследницу Арденов, не невесту Вельского. Себя прежнюю: растерянную, уставшую, чуть злою от слишком громкого вечера, с блёстками на веках и неотправленным сообщением маме. Она стояла у витрины и смотрела на своё отражение, не подозревая, что по другую сторону в тот же миг стоит другая девушка, которую готовили к браку с шести лет.

Миралия что-то сказала.

Звука не было, но Мира по движению губ прочитала одно слово:

«Прости».

Видение оборвалось.

Чёрная поверхность папки стала пустой.

Мира сидела неподвижно. Внутри было слишком много всего, и ни одно чувство не успевало стать главным. Страх. Злость. Жалость. Обида на девушку, которая, возможно, сама коснулась зеркала. Ужас от мысли, что Миралия не просто исчезла, а выбрала исчезнуть. И ещё — холодный вопрос, который поднимался медленно и безжалостно.

Если Мира здесь, то где Миралия?

— Она меня позвала, — сказала Мира. Голос прозвучал тише, чем она хотела. — Или поменялась со мной.

— Возможно, она открыла отражение, — сказал Радомир.

— Зачем?

— Чтобы сбежать от договора.

Ответ был очевиден. Слишком очевиден. И от этого больнее.

Мира закрыла глаза, но видение не исчезло. Миралия перед зеркалом. Её «прости». Собственное лицо в витрине. Белая вспышка. Чужая комната.

— Значит, она сбежала, а я расплачиваюсь?

— Мы пока не знаем, что именно она сделала.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.